

## Этос молодости (три способа обращения с будущим)\*

### *Возрастной этос в контексте философии возраста.*

Делая шаг от экзистенциальной аналитики Dasein (Присутствия) к антропологии как региональной онтологии<sup>1</sup>, нельзя обойти тему *возрастных этосов* Присутствия. Исследование возрастных этосов — важная задача философии возраста.

Как известно, понятием «этос» активно пользовались еще древнегреческие мыслители. Этос для них — «стабильный признак каких-либо явлений, обычай, нравственный характер»<sup>2</sup>, «привычка, <...> душевный склад, <...> то, что отлично от природы человека»<sup>3</sup>. В современной философии и науке это понятие сохраняет свою многозначность и используется в исследованиях философов, этнологов, социологов, этологов и др.

Мы исходим из традиционного понимания этоса как устойчивого нравственного характера и используем это понятие для описания *возрастных* формаций человеческого существования. *Этос* зависит от возрастной расположенности Dasein и обладает относительной устойчивостью.

Возраст определяют темпорально обусловленные параметры тела (душевно-телесного целого) и способность Присутствия овременять сущее, включая и себя как сущее. Имея дело с

---

\* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»).

<sup>1</sup> Лишаев С. А. Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 1(17). С. 33–42.

<sup>2</sup> Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Иванова. М. : Гардарики. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1) (дата обращения: 06. 09. 2016).

<sup>3</sup> Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1) (дата обращения: 06. 09. 2016).

фактичностью собственного тела, человек *сознает ограниченность жизни* и неизбежность изменения количественных пропорций между бывшим, настоящим и тем, что предстоит.

Овремененное сущее воспринимается или как недавно существующее (новое, молодое), или как относительно давно существующее (зрелое, старое, древнее), или как пребывающее на грани небытия (обветшавшее). То обстоятельство, что *люди сознают темпоральные параметры собственного тела* («я еще маленький», «я молодой, мне еще долго жить», «я уже давно живу», «умирать скоро») делает их возрастной этос на порядок сложнее, чем возрастные этосы животных<sup>4</sup>.

Люди проходят через возрастные формации детства (младенчество, ясельное детство, игровое детство, отрочество) и взрослости (молодость, зрелость, старость)<sup>5</sup>. Каждому из возрастов соответствует особый душевный склад (этос), который определяется темпорально обусловленными характеристиками тела и *тем, как человек на них реагирует*.

С переходом от детства к взрослости возрастной этос усложняется. Если этосы детства складываются произвольно, то этосы взрослости — и произвольно, и непроизвольно, что делает их более сложными, разнообразными и интересными для экзистенциального анализа. Ни младенец, ни отрок ничего со своим возрастом не делают (хотя возрастные изменения отражаются на их душевном складе и поведении)<sup>6</sup>. Ребенок растет, меняется его тело, меняется среда, к которой он

---

<sup>4</sup> Возрастной этос животного складывается произвольно (щенок ведет себя иначе, чем зрелый или старый пес), но его возраст, как и его этос, ему не дан (не создается им), это возраст и этос для другого (для наблюдающего за животным человека). Для человека возраст — это данность, с которой можно/нужно соотносить свое поведение, цели и т. д.

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Лишаев С. А.* О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2. С. 66–76; *Лишаев С. А.* Детство в философии возраста // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 1(19). С. 73–84.

<sup>6</sup> Подробнее см.: *Лишаев С. А.* Четыре возраста детства // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2016. № 3. Т. 2. С. 145–157.

адаптируется, меняется и возрастной этос. Ребенок, начиная с ясельного возраста, знает, сколько ему лет, знает, что дети ведут себя иначе, чем взрослые, что взрослым можно то, чего нельзя детям, и т. д., но он *не имеет потребности что-то со своим возрастом делать*. Он для него не проблема, не предмет заботы, а просто *данность*.

Возрастная беспечность ребенка связана с ситуативной ограниченностью детского времени: оно осуществляется в границах, задаваемых родителями, воспитателями, учителями, которые ставят ребенка в обстоятельства, «соответствующие его возрасту», и определяют круг доступных ему возможностей. Ограниченная ситуативным временем субъектность ребенка не предполагает превращения жизни в целом (а значит, и актуально данного возраста) в предмет заботы. Потребность в осмыслении жизни, рефлексия над возрастной идентичностью, над тем, на что направить внимание, чем заняться и т. д., исходя из возраста, появляется тогда, когда детство завершается.

Осознание возраста (дистанцированность от возраста) указывает на зазор между темпоральной фактичностью тела — например, молодого тела — и этосом, который этой фактичностью предполагается/допускается. «Я молод. Что это означает? Что мне делать? Что сейчас для меня главное?» Зазор между рефлексирующим Я и возрастом тела (моим фактическим, эмпирическим «я»), между тем, что есть, и тем, что может/должно быть, — это для взрослого источник постоянного беспокойства.

Взрослый отслеживает изменения в соотношении величин прошлого, будущего и настоящего: в каждом возрасте доминирует только одно из времен. Сознвая изменения в соотношении размерности временных измерений в рамке «средней продолжительности жизни», а стало быть, и в соотношении их экзистенциальной весомости, он принужден считаться с возрастными метаморфозами времени. У возрастного времени есть начало, середина и конец. Величина будущего, в частности, по ходу жизни меняется от «еще много» к «уже мало». Аналогичным образом обстоит дело с надситуативными прошлым и настоящим. При каждом сдвиге в экзистенциальном раскладе времен взрослому приходится заново

решать для себя, «что делать», «как жить», поскольку в той или иной мере он сознает, что «того *будет*, которое было, больше не будет и того *было*, которое было, тоже не будет» (см.: 5, 6).

Для взрослого человека его возраст — *проблема, требующая решения*, экзистенциальный вызов, на который *нельзя не ответить*. Чтобы прожить жизнь достойно (плодотворно), приходится решать, что делать в молодости, зрелости и старости.

Получив право распоряжаться собой (своим временем), взрослый принимает на себя и заботу о возрастном этосе. У взрослых — не у детей — может возникнуть расхождение между возрастом, вмененным индивиду обществом, и возрастным самочувствием-самосознанием, между возрастным самосознанием и возрастным этосом («Что я делаю? Разве *так* должны жить молодые/зрелые/старые люди?»).

Возрастные трансформации и сопутствующие им изменения этоса сопряжены с изменением временной доминанты экзистирования, с общественными предрассудками относительно возраста, с тем, как человек *работает* с меняющейся от возраста к возрасту раскладкой надситуативного времени, а ближайшим образом — с доминирующими в молодости, зрелости и старости временными измерениями. Молодой человек выстраивает жизнь в горизонте будущего, зрелый погружен в большое настоящее, подчинившее себе будущее и прошлое, а старик решает, что делать в ситуации, когда прошлое разрослось, а будущее истончилось.

Наиболее продуктивен анализ возрастных этосов *второго* и *третьего* уровней (порядков) возрастной периодизации<sup>7</sup>. Ко второму уровню периодизации мы относим четыре возраста детства<sup>8</sup> и три возраста зрелости (молодость, зрелость, старость). К третьему — периоды, на которые можно разделить (в тех случаях, когда в таком разделении есть

---

<sup>7</sup>Анализ нравственных характеров детства и зрелости «вообще» не представляет особого интереса, потому что это — собирательные понятия, обозначающие две группы возрастов.

<sup>8</sup> См.: *Лишаев С. А.* Четыре возраста детства // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2016. № 3. Т. 2. С. 145–157.

необходимость) возрасты второго уровня. Находящаяся в центре внимания данной статьи молодость включает в себя три возраста: подростковость, юность и возмужалость<sup>9</sup>.

Изучая возрастные этосы для молодости, зрелости и старости, мы одновременно изучаем этосы, соответствующие возрастам третьего уровня. Рассмотрение старческого этоса показало, что хотя разные его формы могут существовать в любом из возрастов старости, но каждый из них тяготеет к определенным ее периодам, характерным для них<sup>10</sup>.

В данном исследовании мы попытаемся *совместить* анализ типологии молодежного этоса с анализом этосов внутренних возрастов молодости.

**Молодежные этосы: разные способы обращения с будущим.** Если специфика молодости как возраста определяется доминированием надситуативного будущего, то различия между формами молодежного этоса зависят, прежде всего, от того, как молодой человек воспринимает свое будущее и как он включает его в надситуативное временение. Биографическое будущее воспринимается молодыми в двух базовых формах: как неопределенное (неясное) или как наполненное тем или иным содержанием определенное. В зависимости от обладания того или иного способа иметь дело со своим будущим формируются разные типы молодежного этоса.

Существуют две темпоральные установки, задающие типологию *молодежного этоса*: первая установка предполагает, что молодой человек исходит из *еще ничем не ограниченного горизонта возможностей (из неопределенного будущего)*, вторая предполагает ориентацию на *определенное будущее*, суженное до одной (или нескольких) возможностей. Чем меньше возможностей отобрано для будущего, тем сильнее их воздействие на надситуативное настоящее и прошлое.

В этосе возмужалости доминирует определенное буду-

---

<sup>9</sup> Подробнее: Лишаев С. А. Герменевтика молодости: жизнь на просторе // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 16. Вып. 4 (в печати).

<sup>10</sup> Разные периоды старости располагают к разным моделям этоса: одна модель чаще встречается на начальном этапе старости (например, старость, которую признают, но не принимают, или старость в горизонте старого), другая (старость в горизонте ветхого) — на позднем ее этапе.

щее, в подростковой — неопределенное, в юношеском этосе они *сочетаются* друг с другом при доминировании неопределенного будущего, обеспечивающего возможность продолжения поисков «лучшей доли».

Рассмотрим молодежные этосы в том порядке, в котором они выступают на «сцену жизни».

***Подростковый этос (утверждение через отрицание).***

Подростковый этос определяется доминированием *неопределенного* (открытого, не загроможденного планами, не отягощенного прошлым опытом) *будущего*, которое принимает *форму отвлеченной взрослости (взрослости вообще)*. Подросток стремится *сделать будущее* (взрослую жизнь) своим надситуативным *настоящим*, а детство — *прошлым*.

Это не значит, что будущее подростка «пустынно». Оно населено образами «героев воображения» (подросток видит себя в одеждах кино- и книжных героев, кумиров подростковой субкультуры и т. д.), но они оторваны от «реальной жизни», от настоящего, от повседневности. Образы будущего «я» в подростковом этосе не превращаются в проекты, не рассматриваются в перспективе практических шагов по их осуществлению и почти не оказывают воздействия на надситуативное настоящее подростка. Следование «образу-ориентир» не выходит за рамки внешнего уподобления образцу (одежда, прическа, жесты, характерные словечки и т. д.). Желанный образ себя-в-будущем поддерживает подростка в борьбе за признание его самостоятельности.

Эта борьба обусловлена тем, что близкие (прежде всего, родители) часто не готовы признать «своего ребенка» взрослым. Но подросток не может и не желает ждать. Он заявляет о взрослости как о факте («я буду делать так, как хочу, не когда-нибудь, а сейчас: будущее уже наступило, я вырос»). Демонстративная взрослость связана с ее непризнанием (или с неполным признанием) близкими и дальними<sup>11</sup>. Будущее

---

<sup>11</sup> Анализ типологии старческих этосов показал, что в их конституировании важную роль играют акты *признания/непризнания* и *принятия/непринятия* старости (Лишаев С. А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб. : Алетей. 2010. С. 178–192).

(взрослая жизнь) воспринимается подростком как свобода *от опеки, от внешнего надзора (контроля)*.

Отвлеченная (от содержания) взрослость *коррелятивна отвлеченному (неопределенному) будущему*. Подросток живет неопределенным будущим (будущей взрослостью как иным детству). Он претворяет будущее в настоящее, отстаивая право «распоряжаться собой» на уровне конкретных ситуаций.

*Проработка содержания* жизни в целом еще не стала для подростка *первоочередной заботой* (как в молодости, в зрелости и в старости). Генератор заботы (временение) в этом возрасте питает внимание на переходе от при-других-бытия к жизни, которую можно назвать «своей собственной».

У подростка появляются желания, удовлетворение которых зависит от него самого. Взрослые желания предполага-

---

В анализе перехода к молодежному этосу такие акты также имеют место, но здесь они работают иначе, чем в старости. За непризнанием старости и неприятием «людьми в возрасте» — страх перед утратой дееспособности, сдачей жизненных позиций, а также геронтофобские настроения общества потребления. Свою старость люди сегодня признают не сразу и *под давлением со стороны окружающих, а также государственных институтов* (пенсионный возраст, система связанных с ним социальных гарантий и т. д.).

При переходе от отрочества к взрослости *ситуация обратная*. Еще не зрелый взрослый (подросток) *спешит заявить о своей взрослости*, в то время как те, кто находятся на внешнем радиусе — близкие, представители общественных институтов (школы, государства), — не торопятся с признанием подростковой «декларации о суверенитете». Торопливость подростков, их нетерпение на перевале, отделяющем детство от взрослости, вполне объяснимы: заявляя о своей самостоятельности, они ожидают от взрослости не потерь, а приобретений. Для вчерашнего ребенка его возраст — прибавление, для вступающего в старость — потеря, «сдача позиций». Пробуждение взрослой чувственности подталкивает подростков к борьбе за то, чтобы его взрослость была *признана и принята другими*. Если напряжение на переходе к старости связано с *запаздыванием* возрастного самосознания по сравнению с биологически данным и социально предписанными индивиду возрастом, то на переходе к молодости оно связано с тем, что возрастное самосознание *опережает* внешние возрастные оценки и требования. Изменения в самосознании, способе временения и в поведении подростков происходят раньше, чем их признание «на внешнем контуре».

ют готовность идти на риск, решительность, смелость, ответственность.

*Подростковый этос можно определить еще и как этос отрицания* или, резче, как *нигилистический этос*. Утверждаемая подростком зрелость абстрактна. А потому утверждение «я» легко конвертируется в тотальное отрицание всего, что есть, всего, что отказывает подростку в субъектности. Неизвестное будущее заставляет подростка отмежевываться от «не-я», от мира, от других («не знаю, кем и каким я буду, но ясно, что “я” — не это и не то»). Не признающий зрелость подростка (полноправность, субъектность) мир воспринимается как несправедливый, достойный критики и отрицания.

Отрицание в настоящем того, что подросток относит к прошлому (мир детства), и утверждение желанного, но содержательно не проработанного и слабо связанного с настоящим будущего порождают чувство неприкаянности. От мира, который заботился о нем (когда он был «маленьким»), подросток ушел, а в мир взрослых полноправных субъектов войти еще не успел. Он чувствует себя «не у дел», он одинок и беспомощен. Обусловленная возрастом экзистенциальная пустота порождает тревогу, беспокойство, вызывают ненаправленную агрессию. Подросток мается. Неприкаянность, неустойчивость, ни-к-чему-не-привязанность вызывает тотальную агрессию, обращенную и на самого подростка (автоагрессия может принимать форму физического и психического автотравматизма), и на первого встречного.

Связывание и «переработка» подростковой агрессии — одна из постоянных забот общества и государства, которые ищут, каким образом безопасно разрядить ее или как воспользоваться ей в определенных целях<sup>12</sup>. Энергия, бесстрашие, жажда справедливости, агрессивность, максимализм подростков могут быть использованы, в частности, и в политических целях (комсомольцы, хунвейбины и т. д.).

Чувство никому-не-нужности, неуверенность в себе (в своих силах, способностях, внешности) при страстном желании *признания своего «я» другими* захватывают, конечно, не только подростков, но именно в этом возрасте кризис

---

<sup>12</sup> *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст. Монография в диалогах. СПб. : Алетейя, 2016 (в печати).



признанности приобретает наиболее острую форму (предъявить миру подростку нечего, мир относится к нему с подозрением, а его витальность — на подъеме) и порождает конфликтные формы взаимодействия с собой и миром.

Вот почему, когда мы обнаруживаем проявления ненаправленной (тотальной) агрессии в других возрастах, она ассоциируется с не вполне пережитой (или возродившейся) подростковостью. Молодой и даже зрелый человек при определенных обстоятельствах могут регрессировать к матрицам нравственного характера, которые, казалось, были навсегда ими оставлены.

**Юношеский этос. Жизнь на просторе.** В юношеском этосе доминирует *неопределенное будущее*, но его *неопределенность* и манит юных возможностью воплощения самости, придания ей определенности, и в то же время тревожит (себя можно и не найти, «потеряв понапрасну время»). *Будущее становится проблемой*, требующей решения в содержательном плане: каким мое будущее может/должно быть?

Молодой человек боится упустить то, что способна ему дать *только* молодость, он сознает, что «имеющиеся в наличии» сила, красота, свежесть, впечатлительность, восприимчивость даны не навсегда, а «на время». Еще больше тревожит его неопределенность собственного «я», отражающаяся в зеркале неопределенного будущего. Неизвестному будущему соответствует неизвестное — «никакое» — «я». Молодость — это возможность определиться в качестве «я», она — обещание его воплощения. Но каким будет будущее и будет ли обещанное исполнено на деле — юность не знает. Вот почему забота юных — поиск определенности («кто я? что я собой представляю? что мне делать?»). Юноша не озабочен (в отличие от подростка) утверждением своего права распоряжаться будущим, он занят его содержательной проработкой и проверкой на пригодность и исполнимость.

Беззаботность — не более чем преходящий момент молодости или ее маргинальный этос, не она определяет склад ее базовых этосов. Конечно, отсутствие взрослого опыта и большое (вопринимаемое как едва ли не безграничное) будущее располагают юных к легкомысленности, переменчивости, ветрености. Однако легкость в смене траектории движения

работает на биографическое будущее, она в конечном счете подчинена ему (разнообразные формы занятий и досуга юных поставляют «подсказки» для огранки юными своего будущего). Предмет заботы юных — *определение будущего*. Неопределенное будущее доминирует лишь *в конечном счете*. Оно генерирует и беспокойство (не опоздать!), и надежду (туманный горизонт ничем не застроен, его линия пока очень далеко). И то и другое облегчает переход от одной версии будущего к другой. Варианты будущего примериваются «по фигуре». В ходе примерки решается всего один вопрос: мое — не мое. Прибегая к помощи воображения и рефлексии, апробируя будущее на практике, юноша разбирается с тем, *какими* возможностями он располагает, какие из них представляют для него интерес, какие *могут*, а какие *должны* быть реализованы.

В юношеском этосе соотношение экзистенциальной весомости определенного и неопределенного будущего в конечном счете складывается в пользу открытости (неопределенности) будущего, в пользу продолжения поиска. Неопределенность беспокоит и дразнит, радует и пугает, побуждает действовать, определяться. Определить будущее — значит самоопределиться. Настоящее в юности хотя и подчинено *определенному будущему*, но подчинено условно: молодой человек всегда готов отбросить текущую его версию ради другой, более интересной. Возможность отбросить начатое — *оборотная сторона доминирования неопределенного будущего*. До тех пор, пока соотношение между определенным и неопределенным будущим не поменяется, человек остается юным.

Незапланированные в рамках юношеского этоса ситуации («случайные встречи», «неожиданные предложения») сознательно или бессознательно соотносятся юными с определенным и неопределенным будущим. Происходящее оценивается ими на пригодность для реализации апробируемой версии будущего, на пригодность для работы над новой, лучшей версией будущего.

*Ситуативное настоящее* или *подчиняется текущей версии будущего*, или воспринимается как то, что способно *переопрелелить его*. Точно так же и прошлое (произвольные и непроизвольные воспоминания) оценивается в рамках юношеского этоса или как подтверждающие/опровергающие ап-

робируемую версию будущего, или как намек, знак, указывающий на новую его версию («Вот что я люблю и любил, вот чего я всегда желал, что у меня получалось! А я чем занимаюсь? Не этим надо заниматься, не этим!»).

При разнообразии способов самоопределения юных оно проходит в двух режимах: *активном* и *пассивном*. Активный режим — это проектирование и тестирование будущего, пассивный — ожидание «удобного случая», «подсказки судьбы» («то, что есть, — не навсегда, все еще может измениться...»). Обычно эти режимы чередуются: попытки что-то предпринять сменяются ожиданием счастливого случая, который все изменит, а затянувшееся ожидание «знака свыше» прерывается проектом «от себя» и попыткой его апробации («сколько можно ждать, пора действовать!»). У разных людей эти режимы соотносятся по-разному: у одних преобладает активный режим определения будущего, у других — пассивный.

Юношеский этос можно также определить с помощью афоризма «*Лучшее — враг хорошего*». То, что молодой человек делает в своем надситуативном настоящем, обесценивается неопределенным и едва ли не бесконечным (в юношеском восприятии) будущим. Обесценивание настоящего за счет потенциально лучшего будущего — условие продолжения поисков, условие готовности учиться и переучиваться, условие новолюбия («а вдруг новое — это “оно”?»).

Проектам, тестируемым в юношеском этосе (будь то занятия или люди), не придается исключительного значения именно потому, что они апробируются в горизонте *как бы безграничного* будущего. «Бесконечность в запасе» обеспечивает легкость переходов от занятия к занятию, от одной версии будущего — к другой. Но чувство большого будущего уравнивается сознанием его конечности, «подстегивающим» юных, питающих характерную для них торопливость, жадность и ненасытность в приобретении опыта и знаний (все успеть, все попробовать, все испытать).

**Этос возмужалости: движение вдаль.** В отличие от юношеского этоса, этос возмужалости предполагает временение из горизонта определенного будущего. Если из временного проект превращается в долгосрочный (*генеральный*), то меняется молодежный этос: неопределенное будущее теряет

власть над определенным будущим. Последнее становится доминирующим, а юношеский этос сменяется этосом возмужалости.

Если проводить эстетические параллели, то для визуализации этоса возмужалости лучше всего подходит образ дали. В акте созерцания дали созерцающий взгляд уходит в глубину пространства от ближнего (более ясного) плана к среднему (менее отчетливому) и в конечном итоге устремляется к едва видимой на горизонте точке, затем возвращается к ближнему плану и вновь устремляется к крайней точке видимого в глубине пространства<sup>13</sup>.

Этос возмужалости ориентирован *не будущим*, потенцированным до образа «бесконечного» (неохватного) горизонта (простора), когда все направления движения открыты но... не обязательны для исполнения, а будущим, данным как перспектива, как влекущая к пределу видимого даль.

Если в эстетике пространства этосу определенного будущего соответствует феномен дали, то в эстетике времени — феномен молодости как такого опыта, в котором предметом переживания оказывается не возможность как таковая, а *определенная возможность, определенное будущее*<sup>14</sup>.

Этос возмужалости предполагает переакцентировку внимания с неопределенного будущего, в котором возможно «и то, и это», *на конечность* персонального будущего. Сознание конечности жизни является одним из ведущих драйверов перехода от поискового этоса к этосу, ориентированному определенным будущим. Возмужалость — это решимость принять ответственность за один (или за два, редко — три) из возможных образов-проектов будущего, сполна вложившись в исполнение задуманного. Этот этос, в отличие от юношеского этоса, ориентирован *на исполнение жизни* и предъявляет повышенные требования к самодисциплине, самоорганизации, к способности самопреодоления, к способности подчинить желанному будущему свое ситуативное временение. Этос, доминирующий в период возмужалости, требует длинной воли и учит «не отвлекаться от главного». В нем жизненные при-

---

<sup>13</sup> Лишаев С. А. Эстетика пространства. СПб. : Алетей, 2015. С. 82–103.

<sup>14</sup> Лишаев С. А. Эстетика Другого. 2-е изд-е, испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 159–166.

оритеты смещаются с поиска своего будущего на заботу об исполнении избранного. Главное — воплощение задуманного.

Будущее возмужалости ревниво и не терпит рядом с собой альтернатив (иначе как набраться сил и терпения для длительных усилий в одном направлении, ведь сосредоточение на чем-то одном сопровождается рутинизацией и спонтанным «оскучением» жизни). Связав жизнь с определенным будущим, молодой человек порывает с иными возможностями: трудно делать что-то с полной самоотдачей изо дня в день, если исходить из того, что тебя, быть может, ожидает более интересное будущее. Но когда сделана решающая ставка (когда на кон поставлена *жизнь*, состоятельность жизни), у проекта появляются шансы на исполнение «в общем и целом» или хотя бы на частичное исполнение.

При этом нельзя исключить, что работа над долговременным проектом через какое-то время будет признана «непростительной ошибкой», «прискорбным заблуждением». И чем позднее будет осознана ошибочность выбранного образа будущего, тем труднее, мучительнее будет возвращение к юношескому этосу, к поискам нового проекта. Возвращение к этосу открытого горизонта возможно не всегда, но лишь до определенного времени. Чем позже возникает осознание необходимости переопределить будущее, тем меньше у человека шансов на успех в поиске и последующей реализации иного образа своего «я». Новый образ удастся найти не всегда. Но даже если он найден, его еще труднее, чем прежде, воплотить в жизнь, потому что времени для этого остается меньше.

Особенно тяжелым «обращение вспять» оказывается в годы зрелости (так называемый кризис среднего возраста). Проблема в том, что с какого-то момента отдаленное будущее утрачивает неопределенность (туманность), а линия горизонта (линия смерти) приближается на такое «расстояние», что предстоящее просматривается насквозь, вплоть до смертного часа (ситуация дяди Вани из одноименной пьесы Чехова). Набор жизненных возможностей (благодаря увеличившемуся прошлому и приблизившемуся будущему) теперь хорошо обозрим, а увлечься какой-то из возможностей сложно, поскольку человек ясно сознает (благодаря жизненному опы-

ту), какие трудности его ожидают и сколько у него осталось сил и времени для ее воплощения.

Переопределение генерального проекта проходит легче, если к его реализации приступили рано (не в 30 лет, а лет в 20-25), так что ошибочность принятого решения стала очевидна сравнительно рано (лет в 25-30). Но и раннее самоопределение имеет свои риски. Тот, кто взялся «делать жизнь всерьез» в «зеленом» возрасте, рискует допустить ошибку в выборе будущего и переоценить/недооценить свои силы больше, чем тот, кто принимал решения с лучшими «картами опыта» на руках.

***Обязательное и произвольное в смене молодежных этосов (вместо заключения).*** Осознанное взаимодействие с темпоральной фактичностью тела в период надситуативного временения *Dasein* (в период взрослости) обуславливает вариативность возрастных этосов в молодости, зрелости и старости. Типология нравственных характеров молодости включает в себя подростковый и юношеский этосы, а также этос возмужалости.

В подростковом этосе доминирует неопределенное будущее (будущее как возможность самоопределения, как взрослость), в этосе возмужалости — определенное будущее, которое принято к исполнению в качестве долгосрочного экзистенциального проекта. Темпоральную конституцию юношеского этоса характеризует соотнесенность определенного и неопределенного будущего при доминировании последнего.

Каждый этос — в общем случае — приписан к соответствующему возрасту молодости. Но при определенных условиях какие-то из возрастов третьего порядка и соответствующих им этосов человек может миновать. Так, например, в некоторых случаях может «выпадать» подростковый возраст. За отрочеством может последовать юность или возмужалость. Юность как возраст также может быть пропущена, и молодой человек от подросткового этоса может перейти к этосу возмужалости. Возмужалость как возраст выпадает (сегодня еще чаще, чем подростковость и юность (в данном случае юность оказывается последним возрастом молодости)).

В границах молодости, определяемой надситуативным будущим, перестановки и пропуски возрастных периодов воз-

можны потому, что при одном и том же темпоральном горизонте (забота о настоящем и прошлом из будущего) отношение молодого человека к своему будущему и способ, каким он имеет с ним дело, в значительной мере (хотя и не полностью) определяют его возраст и его этос. Подросток «по телу» (по степени физиологической и психологической зрелости) может при определенных условиях не вступать в борьбу за утверждение своей взрослости, а напряженно искать образ своего будущего, «затевая то и это», следуя юношескому этосу. В этом случае перед нами, несмотря на свои лета, — юноша, а не подросток. Аналогичным образом человек, ориентированный на абстрактное утверждение своего «я» (на самостоятельность, автономию как таковые), отрицающий существующий «порядок вещей в целом» и не предпринимающий попыток определиться со своим будущим, — это подросток, а не юноша или возмужалый человек, даже если ему уже «за 20».

При смене возрастов третьего уровня и соответствующих им этосов возможно не только выпадение некоторых из них, но и нарушение очередности их следования. Например, возмужалость (и ее этос) не всегда следует за юностью, а юность — за подростковостью. Если на смену подростковому этосу приходит этос возмужалости, то через какое-то время, при условии если человек отказался от дальнейших работ над генеральным проектом будущего, он может *перейти* (не вернуться!) к юношескому этосу (юность, следующая за возмужалостью).

Отсюда вывод: *в молодости* как первом возрасте взрослости действует обычный (линейный) порядок перехода от возраста к возрасту, от этоса к этосу, но этот порядок не является жестким и может нарушаться. Он *не знает отклонений* только в случае, когда речь идет о смене *возрастов первого и второго уровней*. Возрасты третьего уровня и соответствующие им этосы хотя и зависят от темпорального статуса тела, но эта зависимость не является жесткой. Тело располагает к определенному этосу, но не навязывает его. Возрастные этосы молодости в значительной мере определяются выбором самого человека, предметом его заботы, тем, как он взаимодействует с будущим. На последовательность возрас-

тов и возрастных этосов влияют также и внешние обстоятельства (общественные ожидания, обстановка в семье, институциональные предписания, трагические события в жизни общества, etc.)<sup>15</sup>. Как видим, внутривозрастные этосы молодости складываются под воздействием следующих моментов: темпорального статуса тела (возраста тела), отношения молодого человека к своему будущему, социально-культурной ситуации, в которой он находится.

Завершая разговор о трех базовых этосах молодости, каждый из которых характеризуется особым способом экзистенциального освоения надситуативного будущего, стоит обратить внимание на то, что дистанцированность (свобода) Присутствия от темпоральных характеристик тела обеспечивает не только надситуативное временение, но и сознательное уклонение от него. При наличии определенных социальных и культурных условий возможен отказ молодых (по темпорально-телесному статусу и возрастному самосознанию) людей следовать этосам, предполагающим *заботу об отдаленном будущем*. Анализ маргинального для молодости, но широко распространенного в последние 50-70 лет (речь идет о «благополучных странах») *этоса беззаботности* (то есть установки на «жизнь одним днем») представляет интерес для философии возраста.

В каком смысле такой этос можно определить как молодежный? Является ли он таковым? Какие последствия имеет следование ему для дальнейшей жизни человека, для прохождения других возрастов? Эти и другие вопросы, касающиеся этоса беззаботности, заслуживают специального рассмотрения.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лишаев С. А.* Герменевтика молодости: жизнь на просторе // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 16. Вып. 4 (в печати).
2. *Лишаев С. А.* Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная

---

<sup>15</sup> Иногда четырнадцатилетний человек под давлением обстоятельств (смерть родителей, война и т. д.) быстро мужает, принимая на себя заботу о будущем семьи.



онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 1(17). С. 33–42.

3. *Лишаев С. А.* Возраст и время // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Вып. 4. С. 46–55.

4. *Лишаев С. А.* Детство в философии возраста // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 1(19). С. 73–84.

5. *Лишаев С. А.* О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Т. 2. С. 66–76.

6. *Лишаев С. А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. 208 с.

7. *Лишаев С. А.* Четыре возраста детства // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2016. № 3. Т. 2. С. 145–157.

8. *Лишаев С. А.* Эстетика пространства. Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. 288 с.

9. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. 2-е изд-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 380 с.

10. *Пизров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст : монография в диалогах. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. 240 с. (в печати)

11. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1) (дата обращения: 06.09.2016).

12. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. Москва : Мысль, 2001. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1) (дата обращения: 06.09.2016).

**Зачеркивание, отталкивание и тому подобное  
в мотивике культуры  
(от «Носа» Гоголя к фенотипической рефлексии)**

**1. К концепту отталкивания, или А черепаха ползет**

Представим *бегущего человека* в качестве Ахиллеса, а в качестве системы отсчета выберем систему, связанную с *черепахой*. Тогда ей и ползти не придется (в этой системе отсчета она покоится). А апория будет означать, что апориен, непредставим сам *бег по поверхности*. Что совершенно справедливо! Бег и не есть бег по поверхности. Бег, конституируясь из толчков/прыжков, подразумевает два «элемента»: контакт и трансценденцию<sup>1</sup>. Надо услышать этот второй смысл и в любой игре как последовательности ходов. Когда («во время хода») шахматная фигура снята с доски, она пребывает в инобытии («нигде»), как и само сознание человека: это пауза, он *задумался*. То, что при этом со-положении *квантового* представления («скачки») с *поверхностно-континуальным* возникает образный (имагинативный) коллапс, в свое время отметил Бергсон<sup>2</sup>. Для него, как известно, зеноновская апория была неиссякаемым эвристическим источником. Но таковым она была уже и для Архимеда, который разрубил этот узел, введя аксиому: если откладывать «линейку» (раствор циркуля-измерителя) в направлении удаленного пункта, то на некотором шаге этой процедуры мы через этот пункт *перешагнем*. Собственно говоря, только эта аксиома и позволяет ввести стандартный концепт *дистанции* в континууме. Концептуальная (и процедурная) *определенность* дистанции — идеализирующий паллиатив, фикция, скрывающая за собой коллизии двух представлений.

---

<sup>1</sup> Игорь Тер-Ованесян, неоднократный рекордсмен мира в прыжках в длину, при разборе различных техник прыжка отмечает такую, при которой (правда, в редчайших случаях) оказывается, что спортсмен, находясь в полете, бежит уже по воздуху. Поразительное зрелище.

<sup>2</sup> См.: Бергсон А. Восприятие изменчивости // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. Мн. : Харвест, 1999.